

менты, первую стадию экспресс-анализа и были отсортированы по значимости во вспомогательный эшелон.

В 1957 г., ко времени присоединения Национального архива к работам по микрофильмированию, аэрофотоснимки Витебска были уже рассекречены. Об этом можно судить по прилагаемой копии карточки № 93 в коллекции Thematic Mapper 5 (ТМ-5), на которой отсутствует гриф секретности, хотя продолжает использоваться прежнее кодовое название проекта “Dick Tracy”. В ответ на запрос последовало письменное уточнение: серия кадров с 17065 по 17120, куда включены все 8 фотографий, попадает в обозначенную на карточке серию E 2785, но информацией об оригинальной кассете негативов архив не располагает [2].

Ранее, 17 августа, архив сообщил, что эти документы поступили в их распоряжение в «виде немецких оригинальных фотопринтов с комментариями аналитиков на некоторых из них». Именно из оставленных на фотографиях аутентичных комментариев можно судить о том, что эти фотоотпечатки – подлинники. Добавим, что размеры этих оригиналов (12 x 12 дюймов) свидетельствуют о том, что они могли быть получены прямой печатью с негатива, без фотоувеличения. Разрешающая способность фотографий (при задокументированном на фотографиях масштабе) была достаточной для их качественного анализа персоналом Luftwaffe Fliegerkorps.

К сожалению, дата поступления этих оригиналов аэрофотографий в картографический сектор NARA не была зарегистрирована и не занесена в карточку (для даты оставлена лишь пометка “Var”, означающая “variable” («различная»)).

1. Частная переписка с картографической секцией NARA, D. Bottoms to VG, письмо датировано 17 августа 2016 г.
2. Частная переписка с картографической секцией NARA, D. Bottoms to VG, письмо датировано 13 сентября 2016 г.
3. Шишанов, В.А. Немецкая аэрофотосъемка Витебска 1941 г. (по материалам Витебского областного краеведческого музея) / В.А. Шишанов // Сборник докладов международной конференции «Фотография в музее», 19–22 мая 2013 г. – СПб.: А–Я, 2015. – С. 145–148.
4. Eckert, A.M. Kampf um die Acten: Die Westalliierten und die Rückgabe von deutschen Archivgut nach dem Zweiten Weltkrieg / A.M. Eckert. – Stuttgart : Franz Steiner Verlag GmbH, 2004.
5. NARA, AGAR-S doc.no. 302, Official List of Archives in Western Germany.
6. Pomrenze, S.J. to Hamer, AGAR-S, doc. nos. 704, 706.
7. Pomrenze, S.J. Policies and Procedures for the Protection, Use, and Return of Captured German Records // Conference on Captured German and Related Records. – Wasington: Ohio University Press, ed. by R. Wolfe, 1968. – P. 13–14.
8. Samuel, W. Mitcham «Eagles of the Third Reich» / W. Samuel. – Novato : Presidio Press, 1997.

Бытко С.С.
СТРУКТУРНОЕ ОФОРМЛЕНИЕ
РУКОПИСНОГО ПРАВОУЧИТЕЛЬНОГО СБОРНИКА
ИЗ СОБРАНИЯ ЛАИ УрФУ

Нуждаясь в строгой регламентации религиозных догматов и бытовых норм, староверы возлагали на книжные компиляции задачи трансляции идеологии – как представителям других религиозных течений, так и собственным единоверцам. В силу этого книжные компиляции обладали весьма занимательной структурой, призванной наравне с утверждением общехристианских истин искусно полемизировать с «любителями новин» и тем самым обеспечивать выживаемость старообрядческих общин в инославном окружении.

Сборник [6] написан полууставом в 4° и датируется первой половиной XIX в. Общий его объем составляет 184 листа. Атрибуцию книги следует считать спорной. На заключительном листе можно увидеть надпись, свидетельствующую, что «сия книга принадлежит [...] господину Дубровскому...» и поступила в его распоряжение в 1859 г. Использование для этой пометы гражданского шрифта и арабских цифр взамен традиционных для староверов кириллических числительных свидетельствует о том, что Дубровский не принадлежал к староверам, а стал обладателем сборника, по-видимому, случайно. На заднем форзаце фолианта мы также можем обнаружить запись о том, что данная книга была получена в городе Челябинске от поморской старообрядческой общины в 1985 г. Не представляется возможным установить, попал ли сборник к поморцам напрямую от Дубровского или же успел сменить ещё нескольких владельцев. Остается так же неизвестным, в среде какого согласия сборник был создан и бытовал до того, как стал собственностью Дубровского.

Вступительная глава книги открывается вязью и носит название «Нравоучение о милостыни...» [6, л. 1–8]. При изучении сборника оказывается, что так или иначе большинство его тек-

стов затрагивает тему нравственности и милосердия. Следует заключить, что первая глава сборника является в своем роде обобщающим произведением, уже в названии указывая читателю на общую направленность книги и круг вопросов, подлежащих обсуждению. Сходный вариант «устройства» при изучении старообрядческих сборников обнаруживает и ряд других исследователей. Так, Н.С. Гурьянова пишет, что находившиеся впереди произведения подготавливают читателя сборника к восприятию последующих [3, с. 38], а Н.А. Старухин отмечает, что работы, имеющие концептуальное значение, помещались в начале сборника [10, с. 114].

Следом в сборнике помещено «Слово святых отцов о злопамятстве» [6, л. 8 об.]. Данное сочинение было включено в компиляцию, по всей видимости, с целью дополнения предшествующего текста. Так, если «Нравоучение о милостыни...» развивает идею о необходимости жертвования на нищих, то «Слово...» указывает на то, что богоугодной является лишь жертва человека, умеющего прощать своих ближних. Подобное взаимное дополнение отдельных сочинений в сборнике не является частным случаем и отмечено в ряде исследований [2, с. 193].

Распространенное в старообрядческой книжности сочинение «Списание [...] о хмельном питии» [6, л. 8 об.] включено в сборник со сходными целями. Но кроме указания на необходимость соблюдения трезвости причастниками старой веры, текст вводит в сборник эсхатологические сюжеты, игравшие значительную полемическую роль в спорах с инославными и, в ряде случаев, даже в значительной степени определявших структурное «устройство» некоторых компиляций [4, с. 222].

Как правило, апокалиптические сюжеты должны были эмоционально воздействовать на читателя, побуждая последнего к праведной жизни под угрозой скорого Судного дня. Создатель сборника не единожды устанавливает взаимную идеологическую связь между нравоучительными и эсхатологическими сочинениями для усиления воздействия первых на читателя. С этой целью текст, рассказывающий о воцарении в мире антихриста помещен между текстами, повествующими о грехах и добродетелях. Компилятивная подборка текстов в оценке Н.С. Гурьяновой принималась староверами за единый текст [1, с. 43]. В силу этого читатель должен был воспринимать нравоучительные мотивы не как незначительный элемент литературного повествования, а в качестве обязательной нормы повседневной жизни.

Следует также отметить, что оригинальный текст «Списания...» подвергся значительному редактированию для приспособления к потребностям старообрядческой аудитории, а именно – обоснования протеста «старолюбцев» против «нововеров». Ради этого в текст вводятся характерные для старообрядческой литературной традиции рассуждения о «латинском крыже» и утере благодати церковными пастырями: «...пастыри – волки, не учителя, но мучители...» [6, л. 12].

Далее книжник вновь использует легендарный сюжет, вводя в сборник «Слово Григория Двоеслова о трех древах» [6, л. 19–26], обращенное к исторической проблематике. Как правило, историческое повествование должно было убедить читателей сборника в истинности старообрядческого вероучения посредством прославления мучеников за веру [8, с. 70]. В данном случае также стремится доказать старообрядческую позицию, посредством искусственной архаизации своего вероучения – через связь с ветхозаветными и новозаветными событиями.

Вслед за этим находим группу текстов, списанных автором из чрезвычайно значимой для староверов «Кирилловой книги», повлиявшей не только на круг чтения «старолюбцев», но и во многом определившей как структуру их компилятивных сочинений, так и особенности полемической культуры. Фрагменты из «Кирилловой книги» позволяют автору связать свою аргументацию с критикой латинской церкви, обвиняя последнюю в искажении догмата семи Вселенских соборов. С целью приспособления текстов к особенностям старообрядческого вероучения книжник снабжает тексты собственными комментариями, адресуя свою критику официальной иерархии русской церкви, по его мнению, испорченной в результате римского влияния.

Впоследствии автор многократно обращается к теме скитской жизни. Это, в свою очередь, является важным указанием на согласие, к которому принадлежал «списатель». Частое упоминание в сборниках необходимости бегства из мира являлось характерной чертой исключительно согласия странников. Данный вывод также подтверждается довольно выразительной критикой автором богатств и накопительства, особенно активными противниками которых являлись именно странники. Следует полагать, что сборник сложился в среде странников, после чего, сменив одного или нескольких владельцев, попал к поморцам, которые и передали его Уральскому университету для изучения, введя в научный оборот.

Помещенные в сборнике правила Лаодикийского [6, л. 98–98 об.] и Карфагенского [6, л. 99–102] соборов явственно дают понять, для какой социальной аудитории был создан сборник. Они содержат развернутую критику гадания, астрологии, народных примет и скоморошества. Как отмечал Н.Н. Покровский, магия была неотъемлемой чертой именно крестьянской культуры [9, с. 179]. Принимая во внимание желание автора донести свое произведение до можно большего числа читателей, а также то, что большинство старообрядцев являлось выходцами из крестьянской среды, создание сборника, ориентированного главным образом на данную социальную группу, представляется вполне обоснованным.

Далее мы находим два текста, выбранных из книги «Пчела» [6, л. 122 об. – 125]. Первый приводит множество нравоучительных поговорок и афоризмов. Несмотря на то, что текст полностью вписывается в общую идейную концепцию книги, он тем не менее сильно выделяется из жанровой её «составляющей». Включение данного фрагмента можно объяснить несколькими вероятными причинами. Первая – это стремление автора расширить читательскую аудиторию сборника, т.к. остроумные изречения позволяли более эффективно раскрыть авторский замысел для людей, далеких от глубокомысленных нравоучительных текстов.

Данное объяснение является менее вероятным, поскольку поговорки, в таком случае не могли размещаться среди центральных глав сборника, с которыми читатель мог ознакомиться, лишь прочитав большое количество вдумчивых богословских толкований. Исключением следует считать сборники, снабженные оглавлением, позволяющим приступить к чтению интересующего фрагмента, минуя пространную вводную часть. Более вероятно, что посредством использования популярных изречений составитель стремился усилить эмоциональное воздействие нравоучительных идей своего сборника. Другое объяснение – текст должен был разрядить возникшую «интеллектуальную напряженность» и временно отвлечь читателя от сложных размышлений.

Второй фрагмент из сборника «Пчела» посвящен браку и семейной жизни. Данный текст являлся дополнением к ответу, посвященному необходимости наблюдения за нравственностью ближних и расположенному несколькими листами ранее. Для соблюдения среди домочадцев благонравия главе семьи предлагается прибегать к самым суровым мерам, вплоть до побоев [6, л. 125]. Несмотря на признание возможности женитьбы для «разумных» мужчин, текст, однако, активно настаивает на опасности брака: «Аще хочеши без печали радостно жити, то не моги женитися», «А злая жена николи не укротится. Хвалима высится, хулима бесится» [6, л. 124 об.].

Подобным образом проблема брака решается и в других частях книги. Общий концепт сборника, не отрицая возможности женитьбы, стремится всячески подтолкнуть читателя к мысли о безбрачии. Из этого следует ряд важных заключений. Автор, по всей видимости, создавал сборник для весьма широкого круга читателей, включавшего всё беспоповское направление «древлеправославия». Подобное заключение можно сделать, исходя из того факта, что автор тщательно избегает полемики вокруг вопросов, разъединяющих беспоповские согласия. Среди них можно выделить споры о законности брака, возможности осуществления других таинств, допустимости моления за царя и др. Взамен внутренней полемики составитель стремится акцентировать внимание староверов-читателей на вопросах, определяющих их идеологическую близость. Потому, будучи странником, а значит – убежденным безбрачником [7, с. 196], автор тем не менее допускает идею женитьбы, а признавая грешность светских властей, потакающих «никонианству», не отрицает их законности.

Намереваясь в очередной раз устроить читателей, не выполняющих нравственные предписания сборника, автор приводит вместо следующей главы группу эсхатологических текстов, включающих евангельские пророчества о Судном дне и собственные толкования старообрядца-составителя [6, л. 125–127]. Интересно происхождение текстов, представленных как в этой части книги, так и во всей компиляции. По всей видимости, автор составлял подборку, исходя из того принципа, что все представленные в ней сочинения должны вписываться в «общестарообрядческий» круг чтения. Компилятор заблаговременно не включил в книгу произведения, составленные после церковного раскола. Данное решение было принято, чтобы предупредить любые формы полемики, способные возникнуть в результате появления в сборнике авторских сочинений XVIII–XIX вв., явно симпатизирующих тому или иному согласию.

Эсхатологические мотивы сменяются предупреждениями о смерти в следующей главе, авторство которой приписывается священноиноку Дорофею [6, л. 127 об. – 133 об.]. Посредством связки двух данных фрагментов составитель, по всей видимости, стремился оказать всевоз-

можное влияние на читателей, дабы склонить последних к исполнению моральных предписаний. Даже в случае, если старообрядческий читатель не являлся сторонником идеи о воцарении в мире антихриста (что для первой половины XIX в. было редкостью и получило распространение ближе к началу XX в.), он не мог игнорировать неотвратимость своей биологической смерти и был вынужден задуматься о судьбе своей души.

Интересное структурное решение было принято составителем при завершении сборника. Так, место заключительного произведения автор отвел житийному произведению, посвященному чудесам преподобного Онуфрия Великого [6, л. 180–184 об]. Особенно оригинальным это кажется в связи с тем, что житийный жанр до этого практически не встречался в сборнике, а сама заключительная глава, в отличие от других частей книги, практически лишена нравоучительных мотивов. Использование жития продиктовано, по всей вероятности, необходимостью демонстрации читателю примера сохранения собственного благочестия. Важно, что, как оказывается в заключении, Онуфрий становится монахом, а следом – пустынножителем. Возникает видимая идеологическая связь между начальной и заключительной главами сборника. Первая диктует нравоучительный характер фолианта и кратко определяет полезность добродетелей и вред греховной жизни, а последняя, в свою очередь, предлагает наглядное руководство к дальнейшему действию. На особое значение жития для структуры компиляции указывает даже сам его объем, превосходящий другие главы, расположенные в конце книги, более чем в пять раз.

Итак, нам удалось провести атрибуцию сборника, в частности, что, по всей вероятности, он возник в среде старообрядцев-странников с целью пропаганды данного согласия среди представителей других ветвей староверия. В результате того, что сборник был рассчитан на весь широкую читательскую аудиторию (как в социальном, так и в вероисповедном плане), он успел сменить нескольких владельцев и даже побывал в употреблении в поморской общине. Сборник имел весьма замысловатую, но четкую внутреннюю структуру, базировавшуюся на сюжетном и жанровом взаимодополнении отдельных текстов.

1. Гурьянова, Н.С. О предисловиях к старообрядческим сборникам / Н.С. Гурьянова // Гуманитарные науки в Сибири (далее – ГНС). – 2013. – № 3. – С. 43–48.
2. Гурьянова, Н.С. О сборнике, составленном Мануилом Петровым / Н.С. Гурьянова // Рукописи XVI–XXI вв.: исследования и публикации. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2013. – С. 191–218.
3. Гурьянова, Н.С. Старообрядцы и рукописное наследие Древней Руси / Н.С. Гурьянова // ГНС. – 2014. – № 3. – С. 37–41.
4. Журавель, О.Д. Повествования агиографического типа в поздней старообрядческой традиции / О.Д. Журавель // Исторические и литературные памятники «высокой» и «низовой» культуры в России XVI–XX вв. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2003. – С. 204–228.
5. Зольникова, Н.Д. Старообрядческий нравоучительный сборник непостоянного состава / Н. Д. Зольникова // Исторические источники и литературные памятники XVI–XX вв. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2004. – С. 178–202.
6. ЛАИ УрФУ. – XVIII. – 10р/1651.
7. Мальцев, А.И. Статьи Никиты Семенова (1860 г.) и раскол страннического согласия / А.И. Мальцев // История Церкви: изучение и преподавание. Материалы научной конференции, посвященной 2000-летию христианства. – Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 1999. – С. 193–197.
8. Никаноров, И.Н. Постановление легендарного старообрядческого собора и сборник «Отеческие завещания» / И.Н. Никаноров // ГНС. – 2013. – № 4. – С. 67–71.
9. Покровский, Н.Н. Путешествие за редкими книгами / Н.Н. Покровский. – 2-е изд., доп. – М.: Книга, 1988. – 285 с.
10. Старухин, Н.А. Проблема изучения творческого наследия старообрядческого писателя Г.А. Страхова / Н.А. Старухин // ГНС. – 2009. – № 3. – С. 113–115.

Журба О.И.

КИЕВСКАЯ АРХЕОГРАФИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ (1843–1921 гг.): ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ УКРАИНСКОГО АРХЕОГРАФИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Многие имперские институты исторического профиля органично включались также и в репрезентацию локальных вариантов исторической культуры. Однако на рубеже 1980–1990-х гг. остро встал вопрос о вписывании имперских региональных исторических и археографических практик в конструируемые национальные нарративы. А потому история Временной комиссии для разбора древних актов при Киевском, Подольском и Волыньском генерал-губернаторе (далее – Комиссия) стала предметом переосмысления. Прошлое науки оказалось полем боя за присвоение имперского и советского наследия, уточнение границ и репертуара национального интеллектуального пространства.

С начала 1990-х гг. идейной опорой в конструировании самодостаточной истории украинской исторической науки стала концепция М.С. Грушевского, представляющая ее как